
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

УДК 025.4.036

ББК 79.3:73

DOI 10.22394/1682-2358-2020-4-78-85

S.V. Tikhonova, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Social Communications Department, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky

S.M. Frolova, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Philosophy of Culture and Culture Studies Department, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky

HISTORICAL MEMORY AND THE MEDIAL TURN: DIGITALIZATION OF THE PAST

Transformation of historical memory in conditions of medial turn is considered. The authors analyze the mechanisms of mediatization of historical memory that ensure the production of the digital Past.

Key words and word-combinations: medial turn, historical memory, digitalization.

C.B. Tikhonova, доктор философских наук, профессор кафедры социальных коммуникаций Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (email: segedasv@yandex.ru)

C.M. Фролова, доктор философских наук, профессор кафедры философии культуры и культурологии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (email: frolovasvetla777@yandex.ru)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И МЕДИАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ: ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРОШЛОГО*

Аннотация. Рассматриваются проблемы трансформации исторической памяти в условиях медиального поворота. Анализируются механизмы медиатизации исторической памяти, обеспечивающие производство цифрового Прошлого.

Ключевые слова и словосочетания: медиальный поворот, историческая память, цифровизация.

Феномен исторической памяти все чаще обращает на себя внимание исследователей, изучающих современное общество. Работа с Прошлым оказывается тем

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект «Социальное конструирование исторической памяти в цифровом мире» (№ 19-011-00265).

«местом силы», в котором различные социальные процессы объединяются в единое целое, и социальная реальность начинает *воспроизводиться*, включая уникальных индивидов и события в социальные структуры, превращая их в преемников друг друга. Социальная диахрония возможна там, где узнавание и признание подпитаны воспоминанием, обеспечивающим их когерентность. Общность Прошлого задается сложной сетью институтов и агентов памяти, которая в цифровую эпоху все интенсивнее разворачивается в пространстве повседневности, через горизонтальные связи между индивидами. Накопленные историческим процессом сложные социальные ансамбли памяти, включающие библиотеки и архивы, жрецов, писцов, летописцев, историков, открываются и демократизируются; мифы о Прошлом теряют рубежи между сакральным и профанным, элитарным и массовым, публичным и частным. Развитие цифровых технологий делает голос личной памяти громким и влиятельным. Историческая память как полифоническое многоголосое целое сегодня разворачивается силами цифровых медиа от институтов к приватизирующему, обживающему и осваивающему Прошлого индивиду. В рамках данной публикации попытаемся зафиксировать вектор медиального поворота исторической памяти и описать его новый продукт — цифровое Прошлое.

Термин «медиальный поворот» формулируется как финальный в ряду методологических метафор «поворота» (онтологический, лингвистический, иконический, теологический, перформативный, нарративный, пространственный и др.), раскрывающих движение философской мысли с начала XX в. Первоначально поворот как тектонический сдвиг мысли сближался со смыслом движения назад, характерным для рефлексии, и принимал форму возвращения к истокам. В.В. Савчук устанавливает в качестве отправной точки истории поворотов призывы, сменяющие друг друга в философии Нового времени: «назад к природе», «назад к Канту», «к Фрейдю», «к самим вещам», «к досократикам», «в до-миф» [1, с. 93]. В XX в. трансформировалось направление поворотов, изменился их угол — изначальный в 180° означал обращение к тому, что было за спиной. Угол поворота сократился, он смог стать условным разворотом «направо» или «налево» (что имело вполне политизированную дискурсивную основу в контексте противостояния неомарксизма и «буржуазной» философии), сохраняя свою радикальность за счет устремления к новым горизонтам. Они всплывали все чаще по мере развития междисциплинарности неклассической рациональности, когда синтез автономных исследовательских областей регулярно оборачивался прорывом в неведомое.

Интерес к механике поворота предполагает обращение к его компонентам и условиям. П.И. Чубарь выделяет три ключевых момента, характеризующие философский поворот: 1) изменение стиля и характера мышления человека определенной эпохи; 2) социокультурные перемены; 3) внутреннюю логику развития самой философии [2, с. 5]. Это означает, что поворот философии возможен в том случае, когда массы начинают думать иначе, поскольку повысился уровень типового образования, получила

тотальное распространение та или иная религия или идеология, катастрофические события привели к переоценке ценностей — XX в. знает немало обстоятельств такого рода: изменился образ жизни людей, например; усилилась миграционные или урбанистические тенденции; сама философия «доросла» до появления новых концептов, усовершенствовала свою оптику, откалибровав старую или соорудив новые методологические гаджеты. С точки зрения тактов поворота уникален именно медиальный поворот, поскольку он опирается не только на идеально-духовные основания, но и на новую технику, технику медиа.

Действительно, лингвистический, теологический или нарративный повороты являются идеологическими в своей природе. Необходимый для них сдвиг парадигм крайне слабо детерминирован научно-техническим прогрессом. Как известно, история не терпит сослагательного наклонения, тем не менее рискнем предположить, что близкие к этим поворотам концептуальные процессы и тенденции можно обнаружить в истории философской мысли. Что до медиального поворота, то он вызван к жизни именно «коммуникационным взрывом» (М. Маклюэн) медиатехнологий, перекроившим экономическую, политическую, социальную и культурные сферы общества к концу XX в.

Медиальный поворот опирается на экспоненциальный рост цифровых сетей, впитывающий в себя достижения иконического и визуального поворотов электронной и экранной культуры, сплавливающий индивидуальные и коллективные тела в непрерывном потоке сообщения. Понимание любого современного социального феномена, управление им и его производство требуют знания его коммуникационного контекста, установления его репрезентаций и способов их передачи. Именно поэтому, чтобы присвоить чужую личность, сегодня достаточно украсть смартфон (вспомним роман Д. Глуховского «Текст»).

Содержание медиального поворота наиболее последовательно раскрыто в работах В.В. Савчука, опирающегося на идеи Стефана Мюнкера и Райнхарда Марграйттера, позволяющие зафиксировать единство методологического и технологического в социально-онтологическом медиаанализе. Медиальный поворот есть онтологическое свидетельство изменения реальности, благодаря которому бытие и медиальность отождествляются и взаимозаменяются, растворяясь друг в друге [1, с. 105]; он означает особую чувствительность к влиянию медиа на человека и способность это влияние устанавливать, опираясь на сами медиа. Показывая, что «все есть медиа», исследователь выводит формулу «имей образ, слова, и вещи придут», позволяющую обнажить ведущую роль медиа в формировании реальности: «...совокупность посредников создает действительность: воспринятая, помысленная и концептуально выраженная, она открывается тому, кто рефлексивно подходит к условиям ее производства и репрезентации» [1, с. 103]. Новые медиа порождают своим галлюцинаторным мерцанием (Ж. Бодрийяр) новую медиареальность, в которой зарождается новая конфигурация субъекта, чьей отличительной чертой выступает децентрация, возведенная в

абсолют, и потому превратившаяся во всеприсутствие [3, с. 37]. Погружаясь в сеть вниманием, сознанием, телом, достраивая и расширяя мир дополненной реальностью, человек получает не со-бытие, но соучастие во всем и со всеми как новый способ существования. Медиальный поворот, таким образом, выявляет связи там, где прежде видели только границы, и эти связи — результат социализации медиа.

Интересно, что В.В. Савчук приходит к выводу о том, что «медиа есть условие, собирающее и соединяющее людей в целостность и проявляющее результат их усилий в формировании новой реальности. Они — условие целого, его исток и способ воспроизводства» [1, с. 103]. В этой трактовке *медиа и есть память*. Любой, кто терял личные архивы, бумажные или цифровые, не сочтет этот тезис гиперболой. Индивидуальная память, лишенная средств объективации, нема и почти мертва. Ей нужен голос, но голос — это лишь культурный стереотип, клише, которым привычно обозначают медиа. Новые медиа, расширяющие, интегрирующие, комбинирующие, реорганизуемые во времени и пространстве старые медиа, переформатировали не только конфигурацию субъекта, но и конфигурацию памяти.

Объективация памяти основана на естественных каналах коммуникации, использующих для передачи сообщений человеческое тело. Искусственные каналы появляются с первыми артефактами материальной культуры начиная с орнаментов и рисунков. Развитие сложных искусственных каналов коммуникации, в первую очередь систем письменности, связано с развитием государства. Их распространение никогда не было частным делом. Коммуникационные технологии вплоть до новейшего времени никогда не распространялись свободно, подчиняясь цензуре и разного рода публичным ограничениям и социальным цензам.

До медиального поворота производство памяти осуществлялось в логике социальных ансамблей Модерна, основанных на коммуникационной асимметрии. Коллективная память производилась под контролем государства. Государство обеспечивало выделение исторической науки в самостоятельную дисциплинарную область, цензурировало полученное ею знание и направляло его в систему образования. Оно же контролировало тиражирование массовой культуры, аккумулирующей базовые исторические мифы, а также степень открытости библиотечных и архивных фондов. Массовые медиа по сей день включают рядового члена общества в свою структуру только как реципиента, блокируя объективацию его мнемонической активности насаждением готового Прошлого. Именно поэтому для истории XX в. характерно такое множество конфликтов между «официальной» историей политического дискурса и локальными голосами памяти.

Цифровые технологии обеспечили коммуникационное «раскрепощение» пользователей и перманентный кризис цензуры. Во-первых, они открыли индивидам прямой доступ к массовой и групповой коммуникации, до этого определявшийся социальной стратификацией и элитократическими цензами. Во-вторых, дали возможность интегрировать массовую, групповую и личную коммуникацию в соответствии с личными вкусами и потребнос-

тиями. В-третьих, предоставили инструменты оперативной и комфортной интеграции такого рода. Разумеется, все эти преимущества были сформированы не одномоментно, они продолжают конвергентно накапливаться в процессе развития различных сервисов Интернета. Массовость цифрового раскрепощения продолжает набирать обороты по мере роста аудитории новых медиа.

Согласно аналитическому отчету Digital 2020 общественного креативного агентства «We Are Social» и платформы «Hootsuite», на начало 2020 г. более 4,5 млрд людей пользовались Интернетом, при этом аудитория социальных сетей превысила 3,8 млрд, в онлайн присутствует почти 60% мирового населения, мобильными телефонами пользуются 5,19 млрд человек (половина интернет-трафика приходится на эти устройства), среднестатистический человек проводит в Интернете 40% времени бодрствования — 100 дней в году [4]. Мобильные приложения применяются во всех сферах повседневной жизни — от управления финансами до построения романтических отношений. Применяя цифровые технологии, пользователи потребляют контент, который сами же и производят. Если до медийного поворота производство прошлого было направлено от публичных инстанций к частным лицам, то сегодня его направление — от масс к массам, через узлы фильтрации, забвения и частичного публичного контроля.

Ориентированность интернет-сервисов на оперативные социальные интеракции в режиме реального времени акцентирует значимость «короткой» информации, связанной с текущими потребностями пользователей и злобой дня, а потому быстро утрачивающей свою актуальность. Нередки утверждения, что Интернет и память несовместимы [5]. Такая позиция основана на констатации различий практик работы с сообщением в печатной и электронной культуре: поскольку интернет-пользователь быстро листает подгружающиеся страницы и «скользит» по сайтам, его восприятие поверхностно в сравнении с вдумчивым погружением в текст печатной книги.

Сходные данные приведены Г.Н. Козыр и В.В. Нурковой в результате эмпирического исследования мнемической эффективности фотографий, полученных с помощью пленочного и цифрового фотоаппарата [6]. По мнению авторов, в случае цифровой фотографии акт памяти подменяется актом восприятия, поскольку целостная история события вытесняется прямым описанием изображения, тогда как аналоговая фотография, конечный результат которой неизвестен заранее, требует конструирования «истинного воспоминания». На наш взгляд, здесь человек сталкивается скорее с инерцией стиля мышления, чем с реальной несовместимостью цифровых технологий и памяти. Приведенные выводы не подтверждаются исследованиями социальных практик элфи [7; 8], согласно которым файлы цифровых фотографий — лишь заготовка (ее можно сравнить с негативом аналогового фото) сложного конструкта, возникающего в результате редактирования, загрузки изображения в социальные сети, тегирования, описания и ответов на комментарии. Все эти сложные действия активизируют непростые мнемонические процессы, позво-

ляя цифровой фотографии в социальных сетях весьма успешно реализовывать мемориальную функцию.

Действительно, Интернет не только обеспечивает работу «короткой» памяти культуры, избавляя людей от необходимости держать в памяти разного рода информацию. В нем успешно развиваются и ареалы хранения «долгой» памяти, в которых открыт широкий доступ к библиотекам и архивам. В качестве примера приведем сайт archive.org, «Архив Интернета», собирающий копии веб-страниц, графические материалы, видео- и аудиозаписи и программное обеспечение для сохранения культурно-исторических ценностей цивилизации в эпоху интернет-технологий, а также осуществляющий создание и поддержку электронной библиотеки. На март 2019 г. его размер составлял 45 петабайт. Институализация ареалов долгой памяти в Интернете осуществляется и силами научного сообщества, адаптирующего интернет-пространство под нужды хранения, репрезентации и оценки результатов научных исследований — рост востребованности библиографических и реферативных баз данных для отслеживания цитируемости научных статей в особых комментариях не нуждается.

Способность Интернета выступать в качестве института / ресурса памяти в последние годы привлекает внимание гуманитарной науки. Так, Д.А. Аникин и А.Ю. Бубнов трактуют Интернет как медиатор памяти, трансформирующий виртуальными стратегиями коммуникации распространение коллективной исторической памяти [9]. Сходную позицию демонстрирует А.В. Пестова, рассматривающая Интернет как «архив» культурной памяти [10]. Эпифеномены Интернета как инструменты памяти изучались, например, А.В. Шуталевой и Е.А. Путиловой, анализировавшими роль интернет-мемов в трансляции социальной памяти [11], а также Л.В. Зиминой, на основе сравнения книгопечатания и электронного издательского дела определившей гипертекстовые технологии в качестве идеальной модели культурной памяти [12].

Отметим, что проникновение цифровых технологий во все сферы повседневности не может оставить в стороне практики памяти. Интернет впитал и дал новую жизнь всем литературным жанрам, связанным с памятью, от дневников (и здесь необходимо вспомнить феномен блогосферы, в которой частный дневник гибридизирован со СМИ) до мемуаров; вызвал к жизни многопользовательские компьютерные игры на историческую тематику; открыл архивы, позволил «реанимировать» присутствие исторических личностей через фейковые тематические аккванты социальных сетей. Как показывает Е.Н. Шапинская, в цифровом (пост)историческом пространстве соседствуют самые разные виды репрезентаций исторического прошлого — от академического дискурса до исключительно игровых форм [13, с. 6]. Анализ медиатизации мемуарных свидетельств в блогах и социальных сетях позволил М.А. Агеевой отнести к мемориальным и ностальгическим ресурсам Рунета не только тематические исторические сайты и аудиторные академические проекты, но и все виды социальных сетей, поскольку их целью является актуализация старых

связей, поиск и объединение людей, имеющих в том числе и общее прошлое [14, с. 69].

Автобиографические, коммеморативные, мемориальные и мемуарные медиатексты являются неотъемлемым элементом медиaprостранства, выступающая каркасом пользовательской самопрезентации, наррации и сторитейлинга. Все эти материалы интерактивны и коннективны, они встроены в социальную коммуникацию и включены в принципиально не завершаемый полилог. Его содержание избыточно, конфликтно и противоречиво одновременно. С одной стороны, классические стратегии рациональной работы с информацией проблематичны в сверхнасыщенной среде, где информационный мусор трудно отделить от качественного знания и где субъект чаще ориентируется на эмоционально-эстетические критерии. С другой стороны, полицентричность образов Прошлого противостоит четким классификационным схемам. То, что сегодня воспринимается как мусор, завтра может стать надежным свидетельством ушедших дней, позволяющим реконструировать их.

Пользователи не просто играют в историю в медиасреде, поскольку общество перестает воспроизводиться в чистых офлайновых формах. Приходит время писать историю цифрового общества и создавать цифровую философию истории [15], поэтому главной характеристикой Интернета как пространства памяти является тотальная цифровизация следов Прошлого, когда сам след доступен для познания субъектом только при условии, что он объективирован в цифровой форме, и инструменты его познания опираются на цифровые медиа. Главным императивом производства памяти становится принцип «Не запостил — не было!», имеющий значение не только для установления онтологического статуса событий, но и для их темпорального осмысления. Учитывая, что навыки нецифрового восприятия прошлого (через печатные тексты и аналитический контакт с артефактами) как минимум упрощаются, а медиаграмотность развивается, пределы цифровизации Прошлого представляются бэкониянскими идолами рода. Опыт карантинных мер в связи с пандемией COVID-19 показал, что в условиях развитой цифровой медиасферы баланс онлайн и офлайн, скорее, дело случая, чем сознательный выбор человечества.

Резюмируя, можно отметить, что медиальный поворот превратил Интернет в среду памяти и ее инструмент, обеспечивающий непрерывное производство цифрового Прошлого. Присвоение информации статуса свидетельства Прошлого сегодня происходит через цифровую объективацию, и не важно, идет ли речь о результатах научного исследования или об онлайн-исповеди в блоге.

Библиографический список

1. Савчук В.В. Феномен поворота в культуре XX века // Международный журнал исследований культуры. 2013. №1(10). С. 93–108.
2. Чубарь П.И. Визуальный и медиальный повороты сквозь призму осмысления современной культуры // Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2016. №1 (5). С. 5–7.

3. *Савчук В.В.* Философия эпохи новых медиа // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 33–42.
4. Digital 2020: 3,8 миллиарда человек используют социальные сети / We are social & Hootsuite, 2020. URL: <https://wearesocial.com/blog/2020/01/digital-2020-3-8-billion-people-use-social-media>
5. *Музыченко М.Я., Кораблева Е.В.* К проблеме бытия культурной памяти в условиях глобализации // Цивилизация – Общество – Человек. 2018. № 6-7. С. 12–14.
6. *Козьяр Г.Н., Нуркова В.В.* Какие воспоминания мы выбираем? Как цифровой фотоаппарат изменяет нашу память // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 4. С. 12–25.
7. *Frosh P.* The Gestural Image: The Selfie, Photography Theory, and Kinesthetic Sociability // International Journal of Communication. 2015. № 9. P. 1607–1628.
8. *Eckel J., Ruchatz J., Wirth S.* The Selfie as Image (and) Practice: Approaching Digital Self-Photography // *Eckel J., Ruchatz J., Wirth S.* (eds). Exploring the Selfie: Historical, Theoretical, and Analytical Approaches to Digital Self-Photography. Marburg: Palgrave Macmillan, 2018. P. 1–24.
9. *Аникин Д.А., Бубнов А.Ю.* Политика памяти в сетевом пространстве: Интернет как медиатор памяти // Вопросы политологии. 2020. Т. 10, № 1 (53). С. 19–28.
10. *Пестова А.В.* Интернет как «архив» культурной памяти // Культурная память и культурная идентичность: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых ученых (XI Колосницынские чтения), Екатеринбург, 25 марта 2016 г. Екатеринбург, 2016. С. 141–143.
11. *Шуталева А.В., Путилова Е.А.* Интернет-мем как способ воспроизводства социальной памяти // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. вопросы теории и практики. 2017. № 12-3 (86). С. 219–221.
12. *Зимина Л.В.* Интернет или сетевые технологии культурной памяти // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2002. № 2. С. 64–75.
13. *Шапинская Е.Н.* История в цифровом формате: будущее нашего прошлого // Культура культуры. 2020. № 1.
14. *Агеева Г.М.* Медиатизация памяти: мемуарные свидетельства в блогах и социальных сетях // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 363. С. 68–74.
15. *Артамонов Д.С., Устьянцев В.Б.* Цифровая философия истории: постановка проблемы // Известия Саратовского университета. Новая сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, № 1. С. 4–9.